Все сказанное приводит нас к заключению, что «Сказание о чудесах» не может быть расчленено. Лишь чисто формальные и мелкие признаки позволили С. А. Бугославскому усмотреть здесь последовательную работу трех авторов. За этими частностями исследователь не заметил крупных черт идейного и стилистического единства «Сказания о чудесах». Оно является произведением единого замысла и стиля, принадлежащим одному времени и одному автору. Оно написано между 2 мая 1115 г. и 6 сентября 1117 г. епископом переяславльским Лазарем. Упоминание Лазарем построенной в 1117 г. Мономахом церкви на Альте в Переяславльской епархии свидетельствует, что он до самой своей смерти трудился над «Сказанием».

6

До сих пор наши наблюдения не выходили за пределы «Сказания о чудесах», завершающего «Сказание и страсть и похвалу святою мученику Бориса и Глеба». Мы убедились в единстве авторского стиля и церковно-политической концепции этой части «Сказания» и в возможной принадлежности ее Лазарю.

Теперь, в свете уже сделанных выводов, можно обратиться к основной, житийной части «Сказания» и сопоставить его с текстом «Чтения» Нестора. Это сопоставление позволит нам ответить на вопросы, могла ли первая часть «Сказания» существовать отдельно и относиться ко времени Ярослава, как считал С. А. Бугославский, каков ее стиль и идейная направленность.

«Чтение» подходит к основной теме издалека[108] — с сотворения мира, истории человеческих грехопадений, рождения Христа и распространения спасительного христианства. В этой перспективе выступает и подвиг Владимира, просветившего Русскую землю светом христианства. Своим замыслом вступление к «Чтению» близко напоминает «Слово» митрополита Илариона.

Автор «Сказания»[109] начинает свое повествование совершенно иначе. Грозно и приподнято звучат первые слова: «Род правыих благословиться — рече пророк — и семя их в благословлении будеть». Этот торжественный библейский зачин «Сказания» — его эпиграф и его лейтмотив: только справедливые заслуживают божественного покровительства. И сразу же, без похвал и отступлений, автор говорит о сыновьях крестителя Владимира (его автор выразительно именует «самодрьжьцем въсеи Русьскеи земли»), среди которых контрастно выделена зловещая фигура Святополка «окаяньного», родившегося от расстриженной красавицы-черницы «от дъвою отцю и брату сущу». Автор быстро влечет читателя к цели повествования и, прерывая рассказ о распределении княжений между сыновьями Владимира, замечает: «се остану много глаголати да не многописании в забыть вълезем».[110] Автор как бы откликается здесь своей оценкой и осуждением на отвлеченный и «многоглаголивый» стиль «Чтения».

Он минует пространные и стандартно-житийные вымышленные картины юности Бориса и Глеба, сдобренные Нестором библейскими параллелями и напоминающими о нищелюбии, кротости и прирожденной святости князей.[111] Автор «Сказания» стремительно ведет читателя к сцене

---

[108] Д И Абрамович. Жития , стр 1—5
[109] Д И Абрамович Жития , стр 27—28
[110] Ср «в забыть я положи» в рассказе Лазаря об узниках
[111] Д И Абрамович Жития , стр 5—7.